

V

ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ

Плеханов прибыл в Женеву в январе 1880 года, рассчитывая пробыть здесь несколько недель или месяцев. Как оказалось, ему суждено было увидеть родину лишь спустя тридцать семь лет. Его образ жизни в первые годы за границей напоминает модель, которую Тойнби обозначает как «ход и возвращение». Практически отойдя от суматохи революционной жизни, Плеханов посвятил себя исследованиям и размышлению. Затем, возрожденный к новой жизни, прежний знаменосец ортодоксального народничества вернулся на арену революции пророком веры, ушедшей гораздо дальше от традиций народничества, чем политический терроризм, с которым он так яростно сражался. Период с 1880 по 1882 годы оказался самым решающим в интеллектуальной жизни Плеханова, ибо за эти несколько лет мировоззренческая одиссея привела его от народничества к марксизму. На марксистских позициях, которые Плеханов разработал в то время, он оставался до конца жизни.

Нельзя не поразиться дерзости Плеханова, сломавшего привычные идеиные рамки и создавшего программу, столь отличную от традиций и общепринятых перспектив революционного движения. Почти во всем позициям русский марксизм был диаметрально противоположен народничеству. Более того, следует отметить, что экономические и социальные предпосылки для создания марксистского движения в России были еще недостаточно развиты. Однако мы не найдем правильного понимания интеллектуальной эволюции Плеханова в начале 1880-х годов, если будем рассматривать ее исключительно и просто как переход от одного полюса к другому. Как мы уже видели, еще до отъезда из России он выражал глубокое уважение к идеям Маркса, как он их понимал, и мировоззрение его представляло собой сплав идей народничества и марксизма. Затем произошло простое отделение тех идей, которые он считал непреодолимыми. Ближе познакомившись с марксизмом, Плеханов осознал, что народнические идеи дают ложное представление о характере и возможностях российского обще-

ства, а потому не могут служить основанием революционному движению.

Конечно, окончательный переход Плеханова к марксизму не был неизбежным, однако некоторые предпосылки для этого существовали. Он покинул Россию, удрученный неудачами «Черного Передела» и обеспокоенный вновь возникшими сомнениями относительно жизнеспособности крестьянской общины. Скудость результатов многолетней агитации среди крестьян, равно как и повальный уход радикальной интеллигенции в политическую борьбу, были слишком очевидны. Четыре года назад, во время первой поездки за границу, Плеханов смотрел на мир некритичным взглядом бакуниста, и мало что из Запада привлекло его или стимулировало работу мысли. Теперь, когда была поколеблена вера в догмы, он приехал на Запад в поисках знаний и идей, способных прояснить и укрепить его представление о мире. Эта перемена позиции позволила ему увидеть многое из того, что он упустил раньше.

Второй приезд Плеханова на Запад совпал с относительным преобладанием влияния марксизма над анархизмом в рабочих и радикальных кругах. Вряд ли ему удалось бы найти в утасающем анархистском движении, при всей его приверженности этому мировоззрению, опору для своей пошатнувшейся веры в народничество. Более того, имеются серьезные основания полагать, что Плеханов ехал за границу в надежде найти то, что искал, в марксизме. Хотя он стал несколько скептически относиться к прежним народническим убеждениям, невозможно сказать то же о его вере в необходимость проверки соответствия революционной программы идеям Маркса. Его знакомство с ними было еще очень ограниченным, однако ряд их качеств казался ему чрезвычайно привлекательным. Склонность Плеханова к рационализму уже выражалась в его народнической статье 1879 года. Его завораживала идея изначальной упорядоченности общественной жизни и истории человечества, какой бы хаотичной и бессмысленной она ни казалась поверхностному наблюдателю. Проецируя свои рационалистические склонности на окружающий мир, он решил поверить в то, что история не сваюсвольна, а закономерна. Марксизм обладал для него необыкновенной привлекательностью именно потому, что претендовал на открытие «объективных законов истории», существование которых не вызывало у него никаких сомнений. По-видимому, он с самого начала принял за чистую монету эти декларации марксизма с соответствующим выводом о том, что таким образом современный социа-

лизм обретает научное обоснование. Эти соображения обусловили поспешность, с которой он взялся за изучение марксизма сразу же по прибытии в Женеву. Плеханов полагал, что овладение марксизмом позволит общественному деятелю согласовать свои цели и методы с темпом и направлением исторического процесса. Таким образом, его деятельность обретет гарантии успеха.

Женева и ее окрестности стали домом для Плеханова на протяжении большей части его долгого изгнания. Этот город дал приют многим русским эмигрантам, а в 1880 году там побывали и некоторые передельцы. Аксельрод, которому удалось воссоздать несколько близких по взглядам «Черному Переделу» групп, приехал в Швейцарию в середине года, чтобы обсудить ряд вопросов касательно программы¹, и, когда он решил не возвращаться в Россию, связь между передельцами за границей и теми, кто остался в России, естественным образом прервалась. Женевская группа лишь выпустила пару номеров «Черного Передела» — со статьями Плеханова, которые представляют интерес как свидетельство его дальнейшего отхода от народничества.

В первые годы жизни за границей Плеханов вступил еще в одно революционное объединение. Весной 1880 года он и еще несколько эмигрантов-революционеров образовали комиссию под названием «Русская Социально-революционная Библиотека». Хотя он не входил в число редакторов и, вероятно, не уделял предприятию много времени, природа издательства и характеры ряда его членов дают некоторое представление о его мыслях. В объявлении о создании нового предприятия, составленном Плехановым², выражено беспокойство по поводу недостаточной теоретической обеспеченности революционного движения. Он считал издание социалистической литературы полезным вкладом в развитие революционного движения, которое, будучи оставлено без внимания, неизбежно приведет к поражениям и разочарованиям.

Интересно, что в этой комиссии Плеханов согласился на участие своего старого противника по «Земле и Воде» — Морозова, и другого террориста — Л. Гартмана, бежавших из России в конце 1879 года. Очевидно, враждебность к Морозову и террористам угасла вместе с охлаждением пыла в отношении позиции, занятой им в Воронеже. Это не значит, что Плеханов стал одобрительно относиться к терроризму; однако по приезде за границу он проявил большую благосклонность к той политической борьбе, которую вели террористы. Определенное значение, несомненно, имел особый характер комиссии — она не была

партийным органом, задачей которого являлась разработка тактики, а совместным изданием трудов по вопросам социализма и истории. Отказ от участия в столь важном деле только из-за прошлых разногласий означал бы непростительную мелочность. Тем не менее, Плеханов был вовлечен в ее работу, в основном, благодаря Лаврову, третьему редактору. Их дружба началась со случайного знакомства. Непосредственно после прибытия в Женеву Плеханов стал посещать собрания и дискуссии в колонии русских революционеров, где быстро завоевал довольно почетное место, с одной стороны, благодаря своей зрудности и ораторскому мастерству, а с другой стороны, благодаря революционным заслугам³. Всего месяц спустя после приезда в Женеву двадцати четырехлетний Плеханов вместе с Н. И. Жуковским, уважаемым прежним секретарем русской секции Интернационала, был избран делегатом от женевской русской колонии для встречи с Лавровым в Париже в связи с делом о выдаче Гартмана. Им удалось представить дело Гамбетте, тогдашнему председателю палаты депутатов.

Лавров возглавлял депутатию. Он был на 33 года старше Плеханова и несколько десятков лет служил профессором математики в Русском Артиллерийском училище до прихода в революционную общественно-политическую деятельность в конце 50-х годов XIX века. В 1866 году его арестовали и выслали в Вологодскую губернию на севере России. Через четыре года с помощью нескольких молодых революционеров ему удалось бежать за границу, и в Париже Лавров стал свидетелем взлета и падения Коммуны. В последующие годы он оказал глубокое влияние на радикальную молодежь в России, сначала своей книгой «Исторические письма», а затем в качестве редактора народнического журнала «Вперед». Книга Лаврова сыграла важную роль в вопросе переориентации интересов интеллигенции от естественных наук к этическим и общественным проблемам. Человек высоких нравственных качеств, Петр Лаврович способствовал зарождению в интеллигенции чувства долга перед народом, столь существенного в народническом движении.

Лавров и Плеханов стали друзьями. Пранда, младший из них прежде нещадно спорил с последователями Лаврова. Однако с течением времени их взгляды сблизились. Благодаря своим занятиям, в последнее время Плеханов несколько отошел от бакунизма, постигая постепенно идеи социал-демократии. Что касается Лаврова, он сочетал народнические убеждения с глубоким уважением к Марксу и западной

социал-демократии^{*}. Факт личного знакомства Лаврова с Марксом и Энгельсом укреплял, с точки зрения Плеханова, престиж Лаврова как главного идеолога революционного движения. К тому же, их сближало некоторое сходство характеров. Лавров разделял точку зрения Плеханова на образование, и оба придавали важное значение теоретическим знаниям для успеха революционного движения. Они не испытывали недостатка в темах для обсуждения. Лавров быстро оценил способности и научный багаж Плеханова, и простое знакомство переросло в трехлетнее сотрудничество.

Лавров написал статьи для двух номеров «Черного Передела», вышедших в Женеве, и активно поддерживал его начинания. Что касается Плеханова, то, когда передельцам сообщили о захвате их типографии в России, он считал себя вправе принять предложение Лаврова участвовать в издании Русской Социал-революционной Библиотеки. На этом их дружеские связи не закончились. Плеханов задержался в Париже после завершения миссии делегации, а когда в том же году из России приехала Розалия Марковна, они остались в Париже еще на год. Их переписка с Лавровым продолжалась и после отъезда Плехановых из Парижа^{**}. В этот период беспокойных умственных исканий и теоретического роста, обширные знания Лаврова в области социализма и социалистической литературы оказались очень полезны Плеханову. Старший товарищ помогал советами по части чтения и предоставлял редкие издания из собственной богатой библиотеки. Счастливая возможность разрабатывать и проверять свои идеи в дискуссиях с образованным и более опытным человеком, несомненно, способствовала выяснению и кристаллизации собственных взглядов Плеханова.

Кроме того, Лавров показал себя щедрым и внимательным другом в связи с материальными затруднениями, обрушившимися на Плеха-

* Аксельрод впоследствии утверждал, что Лаврову принадлежит заслуга популяризации элементов марксизма и социал-демократии среди русских революционеров. См.: Аксельрод П. Б. Рабочий класс и революционное движение в России. Спб., 1907.

** См. переписку Плеханова и Лаврова (Дела и дни. 1921. № 2. С. 78—100). Эти письма показывают, что Плеханов просил Лаврова о разрешении писать ему, с нетерпением ожидал его мнения о своей статье, благодарно откликался на одобрение и поддержку Лаврова. Признательность и уважение младшего товарища выражались в том, что он называл Лаврова в числе своих «любимых авторов»; а также в следующем отрывке: «Вы снабжали меня материалами, советами, указаниями и рекомендациями. Благодаря Вашей поддержке, я, быть может, получу возможность работать и развиваться, не имея в перспективе голодной смерти или задолжания без надежды уплаты» (Там же. С. 86; Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1. С. 206).

нова и его семью в первый же год пребывания за границей, Фактический провал «Черного Передела», освободив Плеханова от обязанностей, которые могли оказаться обременительными, лишил его обещанной организацией финансовой поддержки. Собственными средствами он не располагал. А с середины 1880-х годов потребности резко возросли⁴. Вскоре после приезда Розалии Марковны в Женеву они перебрались в Париж, где к ним присоединилась близкая подруга Розалии Марковны, очень нуждающаяся и больная чахоткой. Она прожила с ними до своей смерти в 1882 г. Первый ребенок Плехановых умер в 1880 году, но в 1881 году родился второй и еще один — два года спустя.

К несчастью, не исполнились и намерения Розалии Марковны помогать семье. Власти, зная о ее связи с «государственным преступником» Плехановым, дали экзаменаторам указания лишить ее выпускного балла, а следовательно, и медицинского диплома⁵. Таким образом, она не имела права практиковать за границей и тем самым разрешить финансовые затруднения семьи. Письма Плеханова в первые годы изгнания отмечены признаками отчаяния, которым суждено было повторяться в последующие десятилетия. Он пишет о хроническом финансовом кризисе и долгах, «которых на мне больше, чем на русском государственном казначействе». В одном письме он объясняет Лаврову, что посыпает открытку, а не письмо: «не имею покупательной силы в данную минуту»⁶.

В этих тяжелых обстоятельствах Лавров показал себя верным и щедрым другом. Он имел собственные средства и мог снабжать Плеханову значительные суммы. Конечно, Плеханову приходилось думать о содержании семьи в будущем, и, фактически, заботы о хлебе и крове для семьи не оставили его большую часть жизни в изгнании. Кроме непосредственных займов, Лавров также помог Плеханову найти один из основных источников его доходов на будущее. Зная об интеллектуальных способностях Плеханова и имея хорошие связи в литературных кругах в России, Лавров убедил Плеханова писать гонорарные статьи для передовых журналов. Это было не только выгодно, но и позволяло Плеханову продолжать занятия. При всей ограниченности, это все же была сфера приложения сил для революционера. В 1881 году, благодаря хлопотам Лаврова, Плеханову удалось поместить большую научную

⁴ По-видимому, семья Розалии Марковны обещала ей поддержку при отъезде из России, однако, либо средства не были отправлены, либо их не хватало для удовлетворения потребностей семьи.

статью по экономической теории в ведущем радикальном журнале «Отечественные записки»⁶, который редактировал Н. К. Михайловский. Михайловский осведомился у Лаврова, кто этот «бывшино, молодой талантливый ученый»⁷, и заказал для журнала работу о немецком экономисте Родбертусе.

Несмотря на мрачную перспективу оказаться революционером вне организаций, Плеханов не помышлял о том, чтобы отказаться от своего призыва. Пример Жюля Геда, лидера марксистского движения во Франции, с которым он познакомился в эти годы, помог ему примириться с судьбой. Они познакомились в конце 1880 года, когда жена Плеханова вызвалась присматривать за мадам Гед во время болезни⁸. Так Плехановы собственными глазами убедились в скучности материального существования Геда; и в то же время, как прямо указывает Розалия Марковна, именно от него они получили серьезную интеллектуальную и моральную поддержку⁹. Трудно точно определить степень и характер идеиного влияния Геда на Плеханова, однако русского революционера прежде всего глубоко потрясла готовность Геда жертвовать собственным благополучием ради социализма и блага человечества.

Каково бы ни было положительное воздействие Лаврова и Геда в деле перехода Плеханова к истинному марксизму, основной акцент следует сделать на его собственные искания и размышления, которые занимали его в первые годы пребывания за границей главным образом. Этот же период отмечен, по-видимому, его усилиями получить возможно разностороннее образование. Не удовлетворяясь лишь изучением социалистических трактатов, он посещал лекции в университетах Парижа и Женевы по таким разным отраслям знаний, как органическая химия, геология и антропология, зоология и сравнительная анатомия. Он занимался в Национальной Библиотеке в Париже и в Университетской библиотеке Женевы. Дополнительные свидетельства широты его интересов можно найти в записных книжках того периода¹⁰, которые пестрят заглавиями книг по цивилизациям древности, политической экономии и истории Европы, в особенности, относящихся к Французской революции и истории развития общественной мысли.

Целенаправленно стремясь восполнить пробелы в своем образовании, Плеханов никогда не забывал о необходимости соотносить свои занятия с потребностями русского революционного движения. Можно полагать, что в трудах по истории древних цивилизаций он

искал ключ к пониманию общинных форм развития общества. Книги по политической экономии, записи о которых являются самыми многочисленными в его записных книжках, вполне возможно, он считал необходимыми для понимания связи экономики и политики и воздействия экономических преобразований на общественные институты. Изучение истории Французской революции и первых социалистических произведений явно предназначалось для понимания положения и судьбы России. В записях 1880 и 1881 годов заметна малочисленность работ русских авторов и книг о России. По-видимому, Плеханов искал на Западе информацию и идеи, способные помочь ему понять Россию на фоне истории других стран и цивилизаций, на фоне некоей общей картины развития мира. Гораздо менее склонный, нежели другие народники, рассматривать Россию *sui generis* [своебразный, особенный — лат.], он намеревался найти единую меру, равным образом пригодную для освещения русского и нерусского типов развития.

При всей широте своих интеллектуальных исканий, Плеханов, по-видимому, изначально полагался, в основном, на Маркса, в поисках возможности восстановить какое-то подобие порядка и последовательности в своей пошатнувшейся теоретической позиции. По свидетельству Дейча, бывшего с ним в Женеве, Плеханов жадно поглощал все, что попадало к нему в руки относительно Первого Интернационала, где Маркс играл видную роль. Он так внимательно изучал эту организацию — без сомнения, в поисках руководства к планам на будущее и стратегии, — что скоро знал ее устав и положения наизусть¹¹. А ввиду того, что геркулесова борьба Маркса и Бакунина находилась в центре внимания Интернационала, эти занятия, должно быть, давали ему обильную пищу для размышлений. Обострились его сомнения относительно совместимости марксизма и народничества в бакунинском варианте. Вероятно, растущее понимание столкновения между анархизмом и марксизмом в социалистическом движении на Западе заставило его вернуться к идеальным истокам. Во всяком случае, он очень скоро взялся за «Философию нищеты» Прудона. Однако вдохновила его не работа Прудона, а ее сокрушительная критика Марксом — «Нищета философии»¹².

Восхищение Плеханова основателем «научного социализма»росло, и он ощутил потребность изучить немецкий язык для более глубокого и непосредственного ознакомления с трудами Маркса и Энгельса. С характерным для него трудолюбием через несколько месяцев Плеханов уже читал брошюры немецких социал-демократов. К

концу лета 1880 года он закончил «Анти-Дюоринг» Энгельса, который в восторге назвал «классическим трудом»¹³. Затем он перешел к другой марксистской литературе, в том числе — что неудивительно, поскольку это было единственное марксистское высказывание в печати по поводу революционной деятельности в России,— к знаменитой полемике Энгельса с Ткачевым (1875)¹⁴. Ввиду того авторитета, которым обладал Энгельс в глазах Плеханова, статья эта должна была привести на него ошеломляющее впечатление. Ибо в ней Энгельс не только наголову разбил российского бланкиста, но, фактически, сокрушил сами основы народничества.

Выводы Энгельса относительно экономического развития России соответствовали выводам Орлова, указывая на распад общины и вторжение капитализма и в город, и в деревню. Общинная собственность, утверждал Энгельс, «давно прошла свой зенит в России и по всем признакам приближается к своему концу». Русские ничего не могут с этим поделать, и только пролетарская революция на Западе может спасти общину от окончательного краха. Очевидно, он полагал, что вся деятельность русских революционеров абсолютно бессмыслена с точки зрения их задач. Высмеивая народнические утверждения о крестьянских — «инстинктивных революционерах» и русских — «избранном народе социализма», Энгельс определял грядущую революцию в России как буржуазную, а не социалистическую. Этот последний момент, со всеми его сокрушительными последствиями для народничества, Плеханов отразил — пусть более робко — в одной из статей, напечатанных в «Черном Переделе» в сентябре 1880 года¹⁵. Его характеристика положения в России в открытом выступлении с марксистской программой точно совпадала с большинством высказываний Энгельса в статье 1875 года; однако произошло это лишь два года спустя.

По иронии судьбы, пятилетней давности полемика Энгельса с Ткачевым дала значительный толчок к отходу Плеханова от народничества, а взгляды самих Маркса и Энгельса к 1880 году претерпели эволюцию в сторону большего сочувствия народникам. Замечания Маркса по этому вопросу с 1877 года вплоть до его смерти в 1883 году¹⁶, при

¹³ Переписка Маркса и Энгельса. С. 177—180, 242; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 15. С. 601; Т. 19. С. 116—201; С. 304—305; С. 410. Так как первое из трех его высказываний — письмо к Михайловскому 1877 г.— было опубликовано значительно позже, взгляды Маркса на положение в России не могли оказать воздействие на Плеханова ранее марта 1881 года, даты написания ответа Маркса на письмо Веры Ивановны Засулич.

всей их условности и даже неопределенности, не исключают радикального отличия исторического развития России от Запада. Возможно, есть некоторые основания для распространенного мнения о том, что Маркс умышленно избегал критики теоретической позиции народников из опасения деморализовать группу, ведущую активную борьбу за свержение российского деспотизма, который он так презирал¹⁶. Тем не менее, приводились и доказательства того, что Маркс пришел к убеждению — в результате изучения трудов Чернышевского и социальных условий в России, — что при благоприятных обстоятельствах Россия действительно может перейти к социализму на основе крестьянской общины, минуя стадию развитого капитализма¹⁷. В качестве условий для этого он называл свержение царизма в России и успешную социалистическую революцию на Западе.

На этом ирония не кончается. В начале 1880-х годов Маркс и Энгельс приблизились к той самой бланкистской позиции, которую так решительно разоблачал за несколько лет до этого Энгельс, исходя из ортодоксальных марксистских посылок. Вспомним язвительное замечание Маркса по поводу появления в Западной Европе передельцев: «...большинство их (не все), являются теми, кто ДОБРОВОЛЬНО покинул Россию, — образуют, в противоположность террористам, рискующим собственной шкурой, так называемую партию пропаганды (чтобы вести ПРОПАГАНДУ В РОССИИ, они уезжают В ЖЕНЕВУ! Что за quid pro quo! [что за вздор! — лат.])¹⁸. В 1881 году, снова бичуя «женевцев», он превозносил террористов, которых судили в Петербурге за убийство Александра II в марте того года: «Это действительно дальние люди, БЕЗ ВСЯКОЙ МЕЛОДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЗЫ, простые, деловые, героические. Фразерство и дело непримиримые противоположности... они... стремятся убедить Европу, что их modus operandi [способ действия — лат.] является специфически русским и исторически неизбежным способом действия, по поводу которого так же мало следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения в Хиосе...»¹⁹. Даже учитывая тот факт, что Маркс мог

* К прим. 18 и 19. В цитируемых соответственно письмах Маркса к Зорге от 5.11.1880 г. и к Женни Лонг от 11.04.1881 г. Маркс ошибочно называет чернопередельцев анархистами, объединяя их с последователями Бакунина в Женеве (собственные рассуждения автора о происходивших в этот период трансформациях в мировоззрении Плеханова указывают на ошибочность подобного отождествления). Косвенным подтверждением того, что Маркс не имел реального представления о

быть недостаточно информирован относительно передельцев и их идей, это очернение пропагандистской работы (направленной на развитие классового сознания) в углу терроризму плохо вяжется с декларацией марксизма о том, что классы творят историю в зависимости от уровня их организованности и классового сознания.

Словно и этого было недостаточно, когда Плеханов сделал перевод «Коммунистического Манифеста» на русский язык (1882)*, Маркс написал к нему предисловие, которое легко удовлетворило бы народников. Маркс соглашался с тем, что основы деревенской общины были серьезно подорваны, но при этом все же видел возможность революции в России, которая послужит началом для пролетарской революции в Западной Европе и таким образом позволит «господствующей форме общинного земле владения в России» «создать исходную позицию для коммунистического пути развития»^{20 **}. Ввиду явной готовности Маркса оказать поддержку народникам своим именем и автори-

чернопередельцам и лично Плеханове, может служить письмо П. Л. Лазарова Марксу, датированное январем 1882 г.: «Вам известно, что мы издаем „Русскую социально-революционную библиотеку“, первые тома которой Вам уже посланы... Следующий выпуск должен содержать перевод Манифеста немецких коммунистов 1848 г. с примечаниями некоего молодого человека (Плеханова), одного из самых ревностных Ваших учеников. К этому мы присоединим предисловие к вышедшему второму изданию. Переходим теперь к просьбе, с которой мы, редакторы „Русской социально-революционной библиотеки“, обращаемся к авторам Манифеста, то есть к Вам и Энгельсу. Не будете ли Вы так добры написать несколько строк нового предисловия специально для нашего издания... это придало бы большую ценность нашему переводу в глазах публики». 23 января 1882 г. Маркс и Энгельс направили Лазарову текст предисловия и уже 5 февраля 1882 г. оно было опубликовано на русском языке в газете «Народная воля». — Прим. и курсив ред. (К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 457—461; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 213—215).

* Бакунин сделал первый перевод этой работы на русский язык в 1869 году.

** В «Предисловии» Маркса и Энгельса следующее: «...мы находим в России большую полонину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общиная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития». — Прим. и курсив — ред.

тетом, Плеханову понадобилось большое мужество, чтобы заявить о своих собственных взглядах. Ибо он оказался в неестественном положении, превознося Маркса и его метод, но фактически доказывая ошибочность взглядов Маркса относительно России. Это противоречие нашло дальнейшее выражение впоследствии в той сдержанности, чтобы не сказать прохладности, с какой Энгельс встретил появление плехановской промарксистской Группы «Освобождение труда» в 1883 году и его значительного труда «Наши разногласия» (1885)²¹, в котором излагалось марксистское понимание уровня развития России и марксистская программа революционного движения^{*}.

Размышляя впоследствии о начале восьмидесятых годов, периоде формирования его идей, Плеханов писал: «Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место... Теория Маркса, подобно Ариадиной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина»²². Если с первой частью этого заявления можно согласиться, то вторую необходимо принимать — по одному из любимых затем выражений Плеханова — *sunt grano salis* [иронически, с большой оговоркой — лат.]. Изучая марксистскую литературу с 1880 года, он действительно обнаружил там то, что считал настоящим кладом. Не будет преувеличением сказать, что через несколько месяцев после приезда за границу он достиг нового, более четкого понимания основных принципов и позиций марксизма и утвердился в мнении, что

* В письме к В. И. Засулину от 23.04.1885 г., ссылаясь на недостаток времени, не позволивший ему прочесть работу до конца, Ф. Энгельс пишет: «...того немногого, что я прочел в этой книге, достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ознакомиться с разногласиями (в черновике зачеркнуто: „между вашей фракцией и народовольцами“), о которых идет речь. Прежде всего, повторю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок принадлежит экономическим и историческим теориям Маркса и решительно порвала со всеми широкистокими и несколько славянофильскими традициями предшественников. И сам Маркс также горд был бы этим, если бы прожил немного дольше. Этот прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса основное условие всякой ВЫДЕРЖАННОЙ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны». — Прим. ред. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 260).

эта система содержит концепции научного понимания общества. Но если считать, что Плеханов пришел к этому убеждению в конце 1880 года, то следует отметить, что прошло еще два года, прежде чем он создал на основе марксизма революционную программу для России. Только тогда, в Предисловии, написанном им для перевода «Коммунистического Манифеста», мы действительно видим Плеханова — заинтересованного марксиста. В своей первой большой марксистской работе «Социализм и политическая борьба», опубликованной в 1883 году, он подвел итоги этого периода тяжелых трудов. Заглавие работы, в чрезвычайно сжатой форме, представляет нам ту проблему, над решением которой он трудился все эти два года и которую ему необходимо было решить, прежде чем перейти от принятия марксистской теории к разработке социал-демократической революционной стратегии. Эта проблема состояла в следующем: как можно обосновать борьбу за буржуазную революцию с помощью социалистической теории? Как социалистическое движение может участвовать в этой борьбе, не предавая своих принципов?

Как ни странно, при том, что плехановское примирение политической борьбы с социализмом было последним шагом в его разработке социал-демократической стратегии, отрицание значения политической борьбы и политических свобод было первым элементом его народнического мировоззрения, отброшенным под влиянием жизни на Западе. Первое свидетельство изменения в его взглядах возникло в дискуссиях Аксельрода и Плеханова по поводу «Черного Передела».

Аксельрод познакомился с немецкой социал-демократией раньше, во время длительного пребывания в Европе, поэтому его взгляды значительно отличались от взглядов его коллег. В программу рабочей группы, составленную им в 1879 году, входили, хотя и не основными пунктами, требования всеобщего избирательного права и гражданских свобод. Признание им ценностей этих свобод нашло отклик у молодежи, которую он привлек в «Черный Передел» в первой половине 1880 года. По просьбе молодых передельцев в России он составил новую программу; ее отличительной чертой было наличие, наряду со стандартными пунктами партийных программ народников, также и требований политических и гражданских свобод. Подразумевая невозможность в момент революции установления порядка вне рамок государственного устройства, новая программа предусматривала создание федеральной политической организации с обеспечением политических и гражданских свобод в качестве переходной стадии к осуществле-

нию конечных целей анархизма²³. Аксельрод прибыл в Женеву в июне 1880 года с намерением убедить тамошних коллег принять эту программу и координировать работу с деятельностью молодежных групп в России.

Аксельрод, ожидавший сопротивления, обнаружил, что пытается ломиться в открытую дверь. Неприятие политической борьбы Дейчем и Засулич, даже во время побега из России не было столь упорным, как у Плеханова. Но после взрыва в Зимнем дворце они явно тяготели к народовольцам. Ведь, в конечном счете, террористы все же в какой-то мере добиваются обещанных результатов? Разве царь, после третьего покушения, не сделал главой правительства примиренца Лорис-Меликова? Что до Плеханова, шести месяцев за границей хватило на то, чтобы изменить его точку зрения на политические свободы, правда, не на эффективность террора в завоевании их. За полгода он успел проработать значительное количество немецкой социал-демократической литературы, включая также избранные труды Маркса и Энгельса. От его внимания не ускользнуло, что ни наиболее видные теоретики западного социализма, ни самая сильная социалистическая партия не разделяют его недоверия и антипатии к политической борьбе и политическим свободам²⁴. Более того, если первый опыт его пребывания на Западе не произвел на него особого впечатления, нельзя сказать того же о втором. Побег из России после демонстрации на площади у Казанского собора произошел почти сразу после его вступления в беспокойную жизнь подпольного революционера. Тогда он основное время провел в бисмарковской Германии, которую никак нельзя было считать цитаделью свободы. В 1880 году, после трех лет подполья, он дышал воздухом политической свободы в Швейцарии и Франции.

Контраст между Россией и странами Запада был разительный. Та деятельность, которая делала его преступником в России, велась здесь повседневно и совершиенно буднично. Все, не исключая и иностранцев, спокойно жили, где хотели, свободно приезжали и уезжали, и правительственные чиновники не вмешивались в их дела на каждом шагу. Никакие официальные органы не препятствовали доступу отдельных лиц к той литературе, которую они желали получить. Мужчины и женщины собирались, где и когда хотели, высказывали свои мысли и публиковали свои идеи, не опасаясь внезапного тюремного заключения. Здесь, как Плеханов убедился сам, делегация могла обратиться к правительству и даже получить удовлетворение. Безусловно, верно то, что Бисмарк делал все от него зависящее, чтобы обузданить немецких соци-

ал-демократов, однако, по крайней мере во Франции и Швейцарии, по личным наблюдениям Плеханова, даже социалисты вольны были создавать организации и пропагандировать свои взгляды на собраниях и в печати. Пусть это было буржуазное государство, Плеханов не был последним из тех, кто видел все его недостатки с точки зрения немущих классов, и, тем не менее, основные условия безошибочно указывали на то, что, вопреки утверждениям Бакунина, форма государственного правления играла далеко не последнюю роль в жизни общества.

Изменение отношения Плеханова к вопросу о политической свободе и политической борьбе нашло отражение в проекте программы, составленном им для «Черного Передела» после дискуссий с Аксельродом. Политическому элементу здесь отведено довольно скромное место: в целом, этот документ имеет явственно народнический оттенок, и только в заключении содержится лаконичное упоминание о возможности «конституционного движения в России» — движения, которое может позволить организации участвовать в предвыборной агитации и кампании²⁵. Возможно по тактическим соображениям, в программе признавалась необходимость политического террора. В статьях, написанных в течение года после этого, эклектизм его ориентации совершенно очевиден. Однако в каждой новой работе Плеханов все дальше отходил от народничества, приближаясь к новому синтезу идей.

Статью во втором номере «Черного Передела» (первый вышел в Женеве), опубликованную в сентябре 1880 года, трудно отождествить с работой автора редакционной статьи первого номера, напечатанной всего девять месяцев назад. Теперь он уже не выдвигает планов аграрной революции, которая установит анархо-социалистический порядок, а считает более вероятным, что «общество» само разрубит «гордиев узел»; что царь будет вынужден дать высшим классам конституцию. Таким образом, в этой формулировке видно влияние полемики Энгельса с Ткачевым; следующей стадией исторического развития России, пишет Плеханов, вероятно, будет буржуазно-конституционный строй²⁶. Такая эволюция явно предполагала путь капиталистического развития для России и несостоятельность идеи об особой исторической судьбе России, однако Плеханов еще избегает подобных заключений.

В рамках системы, которую он готов был применить хотя бы на пробной основе, он безуспешно пытался соединить старые и новые позиции. «Мы знаем цену политической свободы», — заявлял он; «мы

приветствуем всякую борьбу за права человека». Однако, сделав такое серьезное допущение и тем самым отрекшись от народнической веры, которую с таким жаром защищал всего год назад, Плеханов тут же отступает, указывая на «лишь второстепенное значение» этих видов борьбы для социалистов²⁷. Эта двойственность отражала стремление Плеханова к разрыву с народничеством при неспособности освободиться от ключевой доктрины бакунизма о несовместимости социализма и политической борьбы. Так как грядущая революция, рассуждал он, приведет к власти буржуазии, борьба за политические свободы имеет основное значение именно для этого класса. Но то, что представляет преимущественный интерес для буржуазии, едва ли может иметь такое же значение для социалистов. Правда, политическая свобода может иметь ценность для всех, чьим интересам служат социалисты; однако это ценность всего лишь второго плана, в сравнении с завоеваниями буржуазии при свержении абсолютизма. И что самое существенное, грядущее господство буржуазии будет означать для народа не конец эксплуатации, но всего лишь замену одной группы эксплуататоров другой.

Таким образом, если социалисты поставят своей основной задачей борьбу за политическую свободу, они будут служить не интересам народа, а интересам его будущих эксплуататоров; и станут фактически пешками в руках буржуазии. По-прежнему рассматривая политику и экономику как взаимоисключающие, не связанные между собой сферы, Плеханов считал истинной задачей социалистов агитацию, основанную на экономических нуждах людей, агитацию, которая должна поднять, организовать и объединить их в мощное социал-революционное движение. Только упор на экономическое положение народа обеспечит социалистам поддержку масс, утверждал он. Там, где люди «повсеместно и постоянно» полностью поглощены «жгучими» экономическими вопросами, там они относительно безразличны к политическим делам. Если социалисты посвятят себя главным образом политической борьбе против абсолютизма, то в момент революции окажутся «штабом без армии». В этом случае буржуазия неминуемо воспользуется плодами революции, полностью игнорируя интересы народа. Однако если социалисты правильно выберут сферу приложения своих сил, то в момент революции они получат массовую поддержку, вполне достаточную, чтобы обеспечить удовлетворение потребностей народа²⁸.

Исходя из этих положений, Плеханов уступал другим поле политической агитации. Пусть буржуазия и ее представители выполняют свою работу политической пропаганды и борьбы за политическую свободу. Что касается социалистов, они будут продолжать пропаганду идеи социалистической революции, идеи «перехода орудий и объектов труда в руки трудящихся». Здесь мы встречаемся с одной из неразрешенных проблем тогдашней позиции Плеханова. С одной стороны, он предвидит установление буржуазно-конституционного режима после свержения самодержавия, а с другой — выступает за предъявление буржуазным революционерам социально-революционных требований в момент их победы²⁹. Другими словами, он не решался признать перспективу длительного периода власти буржуазии; и, как впоследствии подобные идеи были сформулированы у Троцкого, предусматривал начало всеобщей борьбы за социалистическую революцию непосредственно после падения самодержавия. Если изучение истории Запада, и в особенности Французской революции, привело его к мыслям о буржуазном государстве как последующей стадии исторического развития России, то прежняя приверженность народническому идеалу социализма не позволяла ему отказаться от веры в его достижимость в ближайшем будущем. По этой причине он желал, чтобы обе эти революции более или менее совпали во времени.

Хотя большая часть этой дискуссии носила довольно отвлеченный характер, мало соответствующий тому материалистическому методу, которым овладевал Плеханов, она содержит, по крайней мере, один явный намек на изменение его взглядов относительно общественно-экономических основ России. Аграрный вопрос, как он утверждал, остается предметом основного внимания социалистов. Однако, добавлял он, хотя «промышленное развитие России ничтожно», оно «не стоит на одном месте» «рядом с этим, центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам». Поэтому было бы ошибкой рассуждать о будущем страны исключительно в рамках аграрного социализма. Невозможно «определить заранее, из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной армии»³⁰.

Следует отметить, что в этой чрезвычайно важной и увлекательной статье Плеханов смутно уловил контуры иного исторического пути для России, отличного от того, в который он верил прежде. Переходный и эклектический характер его мышления проявился в неумении обосновать выводы, примирить новые взгляды с устоявшимися

концепциями народничества. Если чтение марксистской литературы внушило ему мысль о том, что России предстоит не социалистическая, а буржуазная революция, он все же продолжал считать, как и остальные народники, что существующий уровень развития промышленности в России еще не имеет решающего значения. Если, каким-то еще неясным образом, он сознавал истинную ценность политической свободы, то, тем не менее, настойчиво утверждал, что социалисты не должны участвовать в борьбе за ее завоевание. Продолжая настаивать на чрезвычайной важности аграрного вопроса для социалистов, он гораздо живее реагировал на успехи агитации среди промышленных рабочих, чем среди крестьян. Чтобы внести последовательность и порядок в свое мировоззрение, ему необходимо было получить более четкое представление об общественно-экономическом развитии России, а новых материалов по этому вопросу у него явно было немного. Плеханову также было необходимо согласовать цели и методы деятельности как социалиста с имеющимися изменениями в материальных условиях русского общества.

Третья статья Плеханова в «Черном Переделе», написанная для яицарского номера 1881 года, примечательна откровенным заявлением о том, что следующей общественно-экономической формацией в России будет буржуазно-конституционный строй³¹. Плеханов занял в ней четкую позицию, настаивая на внесении в программу «Черного Передела» также и требования о предоставлении политических свобод наряду с экономическими, включавшими проведение налоговой реформы, организацию правительственной инспекции на предприятиях и сокращение рабочего дня. Здесь впервые, пусть еще не вполне совершившись, Плеханов дает тот синтез политической борьбы и социал-демократической деятельности, который составляет одну из основных частей его вклада в развитие русской революционной мысли. Однако в том же номере он называет главной задачей времени агитацию за «землю и волю» как части «идей современного социализма»³². По всем признакам, значительно приблизившись к социал-демократической программе, Плеханов все еще пытался примирить народничество с марксизмом. При всей привлекательности марксизма для него с точки зрения интеллигентской, он не мог заставить себя принять его целиком из-за ряда возможных неприятных последствий для русских революционеров.

Его смутные опасения выразила его друг и коллега Вера Засулич в письме Марксу в начале 1881 года, в котором она настойчиво добивала-

лась ответа: «Если же... община обречена на гибель, тогда социалисту, как таковому, остается лишь заниматься более или менее обоснованными вычислениями, чтобы определить через сколько десятков лет земля русского крестьянина перейдет в руки буржуазии, через сколько сотен лет, быть может, капитализм достигнет в России такого развития, как в Западной Европе»³³. Если община действительно обречена, та же судьба ждет и современное русское социалистическое движение, и понадобятся столетия экономического развития, чтобы социализм вновь перестал быть утопией. Значит, жертвы народников были напрасны. Значит, для русской интеллигенции невозможна истинно плодотворная деятельность, и поколения ее одно за другим останутся разочарованными «лишними людьми». Эта перспектива леденит душу и отвращает всякого убежденного социалиста. Пафос положения Плеханова состоял в том, что, все более теряя веру в постулаты народничества, он не мог заставить себя полностью заменить их марксизмом, рисующим самое мрачное будущее для русских социалистов.

Его неуверенность в направлении развития России и ощущение возможной тщетности и бессилия социалистических позиций выражены в записи, относящейся к зиме 1880—1881 гг.: «Наши общественные отношения до сих пор находятся в состоянии переходном, между капиталистическим и общинно-натуральным хозяйством. С одной стороны, община продолжает еще служить главным типом поземельных отношений в крестьянстве; земледелие до сих пор продолжает составлять главную отрасль русского производства, а с другой,— в эту общину капитализм стал уже запускать свои когти... Таким образом, страна переживает переходное экономическое состояние»³⁴. Плеханов понимал дихотомию революционного движения как отражение этой двойственности экономического положения в России: «в сторону борьбы с абсолютизмом, т. е. соответствующее капитализму либеральное течение» и ... «защита форм общинной жизни *an und fur sich* [само по себе — нем.] — народничество, мечтавшее о самозванцах, отрекавшееся от социализма и в определении задач своей пропаганды ничего не прибавлявшее к идеалу Разина и Пугачева, народничество, создавшее народно-революционные организации с помощью якобы царских указов»³⁵. В этих строках сквозит чувство, что ему выпала доля родиться не в то время, когда распад общины достиг той глубины, когда она уже не может служить зародышем социалистического общества, а капитализм еще слишком слабо развит, чтобы придать размах успешной социалистической деятельности. Характерно, что обе эти революци-

онные тенденции он презрительно называет «политическим оппортунизмом» и «экономическим староверством»³⁶. Объединение с буржуазией в борьбе против самодержавияказалось ему предательством принципов социализма. Но продолжение работы на основе устаревших догм народничества столь же бессмысленно, как приверженность некоторых русских к «старообрядчеству».

В цитированном выше отрывке из записной книжки Плеханов видит экономическое развитие России в состоянии перехода от общинного сельского хозяйства к капиталистическому. Плеханов не питал иллюзий относительно возможности повернуть ход экономического развития вспять и в последующие месяцы пришел к заключению, что община обречена. В конце 1881 года он сообщал Лаврову о своей убежденности в том, что Россия вступила на капиталистический путь развития, и «все другие пути... для нее закрыты»³⁷. Более того, из этого он сделал вывод, что революционное движение может рассчитывать лишь на фабричных рабочих.

Убедившись в том, что России не миновать капиталистической стадии развития, Плеханов вполне ощущал силу доводов Маркса. И до этого, еще глядя на мир сквозь народнические очки, он был поражен сочувственным отношением городских рабочих к революционерам и их пропаганде. Вопреки своей воле, он вынужден был признать превосходство революционных качеств пролетариата над крестьянством, но прежде Плеханов объяснял этот неудобный факт, считая рабочих, в сущности, крестьянами, т. е. фактически отрицая наличие пролетариата в России. Однако стоило ему признать факт развития капитализма в России и, как его следствие, появление пролетариата, оказалось, что его собственный опыт подтверждает положение Маркса о пролете-риате.

Последний элемент его нового мировоззрения, теперь обретший свое законное место, касался революционной стратегии. Долгое время Плеханову не удавалось на основании положений марксизма определить социал-демократические цели для такой отсталой в экономическом отношении страны, как Россия. Если России суждено пройти стадию капиталистического развития, значит на долгое время будут ограничены все возможности социал-демократической деятельности. Однако он не желал признавать этих ограничений, ибо это означало, что весь его труд был напрасен и плодотворная работа на этом поприще неосуществима. Удачный случай показать необходимость сочетания политической борьбы против самодержавия, который, казалось,

сама история выдвинула на повестку дня, с социалистической пропагандой представился при написании им предисловия к собственному переводу «Коммунистического Манифеста», опубликованного весной 1882 года. Здесь он впервые открыто провозгласил стратегию социал-демократии, очень кстати подсказанную «Манифестом». Значение этой работы для своего идеиного роста Плеханов отметил много лет спустя: «Лично о себе могу сказать, что чтение „Коммунистического Манифеста“ составляет эпоху в моей жизни»³⁸. Трудно поверить, что Плеханов открыл для себя это самое знаменитое произведение Маркса и Энгельса почти через полтора года после начала интенсивного изучения «научного социализма». Скорее всего, тогда он перечитал его и нашел в нем ответы на те вопросы, которые имели для его мышления кардинальное значение.

Изучение «Манифеста» помогло окончательно разрушить стену между экономикой и политикой, устранило противоречия, ранее составлявшие постоянный компонент его мышления с момента вступления в революционное движение. В результате он перестал противопоставлять политическую борьбу (борьбу за политические права и, в конечном счете, за политическое господство) социал-демократической деятельности (массовой агитации, направленной на уничтожение государства и общественно-экономический переворот). Теперь он понял, что политическая борьба и социалистическая деятельность вовсе не исключают друг друга, а находятся в тесной взаимосвязи; что нельзя преувеличивать значение одной из них за счет другой; что только посредством политической борьбы можно прийти к социализму. Поэтому он превозносил «Манифест» как корректику односторонности ортодоксальных народников, отвергавших политическую деятельность, и террористов, захвативших политической борьбой против самодержавия, вплоть до забвения необходимости организации массового движения — единственной гарантии будущего социалистической партии³⁹. Первоначально он стоял на позиции первых, а затем осудил обе и, в конечном счете, создал новое сочетание этих двух позиций.

Теперь он рассуждал следующим образом: пусть будущая революция будет носить не социалистический, а буржуазный характер — массы все же могут обрести многое. Если пробудить и организовать их, внедрить в них классовое сознание, то падение самодержавия даст им возможность потребовать и получить политические права, что будет в значительной степени содействовать их конечному переходу к социализму. Плеханов рекомендовал русским социалистам ту же так-

тику, которую Маркс в «Манифесте» предлагал немецким коммунистам. В борьбе против самодержавия они должны действовать вместе с буржуазией, пока она будет сохранять свою революционность; но в то же время стараться внедрить в сознание рабочих самое четкое понимание антагонизма интересов пролетариата и буржуазии. Русские социалисты должны вовлечь рабочих в борьбу против самодержавия в качестве союзников буржуазии, но при этом объяснять, что пролетарские интересы потребуют начать борьбу против собственного союзника в момент падения самодержавия.

Вполне естественно, что «Манифест» составил эпоху в жизни Плеханова, ведь его положения объединили и выявили понятия и опыт, которые Плеханов не в состоянии был примирить. Теперь он понимал, что борьба за политические права не была заблуждением русских рабочих. Напротив, она существенно необходима для победы социализма. Сейчас ему стало понятно, почему большинство либералов и радикалов после 1879 года отдали к «Черному Переделу», отказавшемуся от политического террора. Отныне весь его революционный опыт выступил в ярком новом свете, как поразительная иллюстрация верности марксизма. Оказалось, что рабочие лучше других поддаются политической пропаганде и лучше других организуются потому, что, как указывал Маркс, сама история предназначила им стать самым революционным классом современной эпохи. Что касается крестьянства, ссылки Маркса на «идиотизм деревенской жизни» словно подтверждали собственные впечатления Плеханова о невежестве и отсталости этого класса.

Следует также подчеркнуть, что «Манифест» явился откровением для Плеханова потому, что он, казалось, утверждал четкими, ясными фразами, что русские социалисты не выступают преждевременно, что при всей относительной отсталости условий общественной и экономической жизни в России, можно вести серьезную работу. Чрезвычайно ободряющие действовали положения о том, что социалистам вовсе не нужно отступать и производить «необоснованные расчеты»; они могут вести революционную работу в полной уверенности, что она находится в согласии с рациональным движением исторического процесса.

Идейная эволюция Плеханова привела его на позиции, представлявшие собой новый рубеж в русской революционной мысли. Она также стала победой западного подхода к проблеме социализма в его мировоззрении. Теперь он был убежден, что нет «в русской истории никаких СУЩЕСТВЕННЫХ отличий от истории Запада»⁴⁰. И, соответ-

ветственно, утверждал, что проблемы русских социалистов можно наилучшим образом решить, изучая историю развития Западной Европы и социалистические учения Запада. Таким образом, он следовал традиции русских «западников». Как Петр Великий внедрял в России западные военные и административные методы, как декабристы и люди тридцатых—сороковых годов хотели, чтобы политика и культура России походили на западные, так теперь Плеханов принял западный вариант социализма и взялся за дело превращения его в господствующую тенденцию. Петр воевал с традиционалистами — священниками и боярами, западники, в период царствования Николая I, сражались против славянофилов, и теперь Плеханов взялся за разгром русского народнического социализма. Теперь он заявил, что готов слепить «Капитал» Маркса «прокрустовым ложем» для вождей русской революции⁴¹, подгоняя движение к ходу исторического процесса. Это ему долго не удавалось, однако дело его жизни увенчалось успехом, и марксистское мышление оставило глубокий след в русской жизни.